

А О ДЕМИН

**ТРАГЕДИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «АТАБАЛИБО,
ИЛИ РАЗРУШЕНИЕ ПЕРУАНСКОЙ ИМПЕРИИ»
И «ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ»
Ж. ЛА ПОРТА**

Трагедия «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» в настоящее время является одним из наименее изученных драматических произведений Державина. Открытым остается вопрос о времени ее написания. С уверенностью можно лишь утверждать, что в 1815 г. С. Т. Аксаков читал ее автору и, следовательно, к этому времени она была, по-видимому, закончена. Отсутствие упоминания о ней в «Записках», доведенных до 1812 г., позволяет сделать вывод лишь о том, что она не была завершена к этому времени.¹

Когда возник замысел этой трагедии, и когда Державин приступил к работе над ней? Определенного ответа на этот вопрос сейчас дать невозможно. Если принять датировку между 1812 и 1815 г., то встает вопрос: на какие современные политические события откликнулся поэт в этом произведении, как объяснить, что в условиях «первой волны русского испанофильства», описанной М. П. Алексеевым,² Державин создает пьесу, живо напоминающую о жестокостях испанцев в Америке во время Конквисты? Каким образом связана трагедия с национально-освободительным движением в странах Латинской Америки 1810—1826 гг., завер-

¹ См. *Державин Г. Р. Сочинения* с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1867. Т. IV. С. 399—400. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома и номера страницы, *Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX в. (1800—1815)*. Куйбышев, 1959. С. 397, *Сперанская В. В. Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи»* (К истории создания) // *Проблемы изучения русской литературы XVIII в.* Л., 1976. Вып. 2. С. 63.

² См. *Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв.* Л., 1964. С. 97—108.

шившимся полным крушением колониальной системы Испании и Португалии за океаном?³

Не рассмотрен также вопрос о связи трагедии и ее ключевого образа — затмения солнца, символизирующего гибель империи, — с рядом «солнцеклоннических» стихотворений Державина, написанных в начале XIX в. и обращенных к императорам Павлу I и Александру I.⁴

Что привело Державина на склоне жизни к созданию скорбной и величественной картины гибели империи Солнца, в которой нетрудно угадать образ разумного и справедливого государства, управляемого мудрым и просвещенным монархом, образ заветной социально-исторической мечты европейского Просвещения? Для ответа на этот и другие вопросы необходимо расширить представление о круге литературных и театральных явлений рубежа XVIII—XIX вв., с которыми так или иначе можно было бы соотнести замысел трагедии Державина о завоевании Перу.

Изучение литературных источников «Атабалибо» мало продвинулось вперед за те 130 лет, что прошли со времени ее публикации. Как известно, Я. К. Грот привел в примечании к издаваемой пьесе отрывок из «Воспоминаний» С. Т. Аксакова, читавшего ее Державину в 1815 г. (IV, 475—476). Отзыв Аксакова о трагедии, как не трудно заметить, изобилует фактическими неточностями в передаче содержания, вполне объяснимыми как давностью события, так и снисходительно-пренебрежительным отношением мемуариста к вспоминаемому произведению. Кроме того, работая над «Воспоминаниями» в 1852 г., он не мог иметь под рукой текста трагедии, опубликованной пятнадцатью годами позже (1867).

Одной из неточностей было наименование пьесы «Аталиба» вместо «Атабалибо и т. д.». В примечании к этому слову Грот указывает, что Аталиба — имя императора Перу в книге Ж.-Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи» (1777), перевод которой, выполненный М. В. Сушковой, был впервые опубликован в Петербурге в 1778 г. По-видимому, эта попытка объяснить ошибку Аксакова-мемуариста была принята позднейшими исследователями за указание на литературный источник трагедии Державина. В. А. Бочкарев называет книгу Мармонтеля в качест-

³ См.: *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М.; Л., 1946. С. 125—139; *Слезкин Л. Ю.* Война испанской Америки за независимость в оценке русских дипломатов (1810—1816 гг.) // *Латинская Америка в прошлом и настоящем.* М., 1960. С. 370—394; *Шур Л. А.* Россия и Латинская Америка. М., 1964. С. 32—34.

⁴ См., напр.: «Пришествие Феба» (1797), «Утро и Гимн Клеантов» (1800), «Гимн Солнцу» (1802), «Поход Озирида» (1805), «Сретенье Орфеем Солнца» (1811) и др.

ве источника пьесы и упоминает элегию Н. И. Гнедича «Перуанец к испанцу» (1805), в которой, по словам ученого, выражены с особой силой «гнев и возмущение насилиями, чинимыми испанскими завоевателями в Перу».⁵ В. В. Сперанская уже помещает это стихотворение наряду с «Инками» Мармонтеля в число источников трагедии Державина, где якобы «есть немало стихотворных строчек, почти дословно повторяющих строчки стихотворения Гнедича».⁶ К сожалению, в работе не приведены примеры, которые подтверждали бы это положение. Сопоставление текстов элегии Гнедича и пьесы Державина показывает, что подобной дословной близости между ними не существует.

Подробное рассмотрение книги Мармонтеля как источника державинской трагедии, предпринятое В. В. Сперанской,⁷ наглядно доказывает, насколько незначительны заимствования из нее в пьесе. По-видимому, следует согласиться с мнением профессора Дж. Харви, считавшего, что в «Атабалибо» заимствований из «Инков» не больше, чем из трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы». Трагедия Вольтера также посвящена теме испанских завоевателей в Новом Свете; но, кроме общности темы и топики осуждения жестокостей завоевателей по отношению к туземцам, не обнаруживает сходства с трагедией Державина.⁸ Исключение составляет лишь впечатляющая картина солнечного затмения, подробно описанного Мармонтелем,⁹ которое становится кульминационным событием в третьем действии «Атабалибо».¹⁰

Хотя книга Мармонтеля пользовалась большой популярностью в России на рубеже XVIII—XIX вв.,¹¹ она была далеко не единственным источником, из которого русские читатели — и в том числе Державин — могли почерпнуть сведения о трагической судьбе последнего перуанского императора. Уже в 1729 г. в журнале «Исторические, Генеалогические и Географические примечания в Ведомостях» была помещена статья «Отыскание Америки и мореплавания к западным странам», из которой можно было уз-

⁵ Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX в. (1800—1815). Куйбышев, 1959. С. 398.

⁶ Сперанская В. В. Указ. соч. С. 65—66.

⁷ Сперанская В. В. Там же. С. 64—68. См. также: Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 154.

⁸ См.: Harvie J. A. In Defence of Derzhavin's Plays // New Zealand Slavonic Journal. 1975. N 2. P. 7.

⁹ См., напр.: Мармонтель Ж. Ф. Инки, или Разрушение Перуанской империи / Пер. с франц. М. Сушковой. М., 1801. Т. 3. С. 28—32.

¹⁰ «Инки» Мармонтеля и «Альзира» Вольтера со ссылкой на статью Харви указаны в качестве источников трагедии Державина также в «Истории русской драматургии XVII—первой половины XIX вв.». Л., 1982. С. 212. (Автор раздела Н. Д. Кочеткова).

¹¹ Известны четыре издания ее в этот период: СПб., 1778; М., 1782, 1801 и 1819.

нать, что «Францискус Пицаррус со своими братьями знатнейшим был (из завоевателей Америки. — А. Д.) и по прошествии 5 лет по взятии Мексиканского государства в Перу с 300 человеками вступил, которым государством тогда король Атапалипа владел».¹²

В статье сообщалось о победе «Пицарра» над стотысячной армией перуанцев и об убийстве по его приказанию «короля Атапалипы». Однако наибольшее количество печатной продукции, посвященной Америке и американцам, появилось в России в 1780-х гг. в связи с общеевропейским оживлением интереса к заокеанскому континенту, вызванным начавшейся в Североамериканских Штатах войной за независимость (1779—1781), усилившимся национально-освободительным движением в испанских и португальских колониях, а также с планами российского правительства по расширению влияния в Латинской Америке.¹³

Издание перевода «Инков» Мармонтеля (1778)¹⁴ в переводе М. В. Сушковой было первым шагом в широком ознакомлении русской публики с американской историей и нравами, а также в подготовке общественного мнения к осознанию необходимости освобождения страждущих туземцев от ига европейских захватчиков, которое могло бы совершиться с помощью российского военного вмешательства. С ноября 1779 по февраль 1780 г. «Академические известия» публикуют «Перечень Истории Америки, сочиненной г. Робертсоном», переводимый с французского И. И. Богаевским.¹⁵ Позже, в 1784 г., было предпринято издание полного перевода на русский язык этого образцового для своего времени произведения, однако издание прекратилось после выхода в свет первых двух книг первого тома, доводивших историю завоевания Америки до смерти Христофора Колумба, и не содержащих истории покорения Перу.¹⁶

«Перечень Истории Америки» В. Робертсона был продолжен в «Академических известиях» статьей «О Америке» (перевод с французского П. И. Богдановича), публиковавшейся с февраля по

---

¹² См.: Исторические, Генеалогические и Географические примечания в Ведомостях. 1729. Ч. 32. С. 123—124, а также статью: Открытие Америки и переселение в нее европейцев // Примечания на Ведомости. 1735. Ч. 40. С. 43—47.

¹³ См.: *Мирошевский В. М.* Указ. соч. С. 86—91.

¹⁴ См.: «Известие критики» об этой книге: Санктпетербургский вестник. 1780. Ч. 5. С. 134—136. Восторженную оценку книги и сведения о ее переводе см. в письмах М. Н. Муравьева: Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 271, 276, 277, 282, 331, 333, 340.

¹⁵ См.: Академические известия. 1779. Ч. 3. С. 267—291, 391—412; Ч. 4. С. 19—46, 185—207.

¹⁶ См.: История о Америке Виллиама Робертсона... Переведена с английского (А. И. Лужковым). СПб., 1784. Ч. 1.

июль 1781 г. и содержащей описание нравов и образа жизни современных туземных жителей европейских колоний в Америке.¹⁷ В том же году И. П. Хмельницким был предпринят перевод книги Ф. Рейналя «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1776). Однако публикация этого чрезвычайно радикального в политическом отношении сочинения была осуществлена лишь в 1805—1811 гг. в значительно сокращенном и смягченном виде.¹⁸

1782 г. принес второе издание «Инков» Мармонтеля в переводе М. В. Сушковой, осуществленное Н. И. Новиковым.¹⁹ В том же 1782 г. выходит в свет одиннадцатый том книги аббата Ж. Ла Порта «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света» в переводе Я. И. Булгакова, содержащий раздел о завоевании Перу и описание современных перуанских нравов. Новиков публикует в 1783—1784 гг. в «Прибавлениях к Московским Ведомостям» «Всеобщее описание американских нравов»,²⁰ а также предпринимает издание книги Ж. Б. Боссю «Новые путешествия в западную Индию...» (М., 1783), содержащей сведения о нравах, законах и правлении индейцев, проживающих в районе реки Миссисипи.

Как уже было отмечено выше, в 1784 г. начинается выпуск перевода «Истории Америки» В. Робертсона, а также выходят в свет части одиннадцатая и двенадцатая «Истории о странствованиях вообще по всем краям земного круга, сочинения г. Прево...» в переводе М. И. Веревкина, в которых помещены развернутый рассказ о завоевании Перу и подробная характеристика нравов современных перуанцев. Не менее подробно о завоевании Перу повествуется также в книге И. Г. Кампе «Открытие Америки, приятное и полезное чтение для детей и молодых людей» (М., 1787—1788). Следуя в изложении фактов и в характеристике исторических лиц за Робертсоном, автор ее рисовал инку Атагуальпу трусливым и коварным узурпатором, развязавшим гражданскую войну с целью незаконного захвата престола, облегчив тем самым завоевание Перу для Франсиско Писарро. Прославленный конкистадор в «Открытии Америки» далек от идеализированного образа бескорыстного искателя славы, великодушного первооткрывателя новых земель, каким он представлен у Мармонтеля.

---

¹⁷ См.: Академические известия. 1781. Ч. 7. С. 255—272, 363—383, 528—543; Ч. 8. С. 646, 784—800, 934—942.

¹⁸ См.: Шур Л. А. Испанская и португальская Америка в русской печати XVIII—первой половины XIX вв. // Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 349—350, 355—356.

¹⁹ Позже экземпляр его был выслан Державину в Тамбов в числе других книг от Новикова (V, 646, 647).

²⁰ См.: Прибавления к Московским Ведомостям. 1783. № 68, 71—73; 1784. № 65—69.

Одним из ярких эпизодов российско-американских связей в этот период был приезд в Россию Франсиско Миранды (1750—1816), известного борца за независимость Перу, в 1780-х гг. искавшего поддержку у ряда европейских государств, а впоследствии возглавившего освободительное движение 1810—1826 гг. и погибшего в застенках испанской инквизиции.²¹ В период его пребывания в Петербурге Новиковым была предпринята попытка опубликовать перевод «Философской и политической истории» Рейналя, не увенчавшаяся, однако, успехом.²² Публикация эта стала возможна только лишь после смерти Екатерины II и началась в 1799 г. изданием вступительной главы названного труда: «Философическое и политическое состояние Европы до открытия Америки» (перевел с французского В. И. Созонович) (СПб., 1799). В начале XIX в. вышло новое издание «Инков» Мармонтеля (М., 1801), а также третье издание «Всемирного путешественника» Ла Порты (СПб., 1799—1816. Т. 1—27). «Перуанский» том этого произведения появился во втором издании в 1786 г. и в третьем — в 1804 г.²³

Такова в общих чертах картина ознакомления русского читателя с американской историей и обычаями на рубеже XVIII—XIX вв. Трагический эпизод завоевания Перу и гибели инки Атагуальпы был хорошо известен в России, как показывает рецензия «Северного вестника» на премьеру 5—16 ноября 1805 г. мелодрамы Р. Ш. Гильберта де Пиксерекура «Пизарро, или Завоевание Перу», в которой отмечено резкое расхождение показанных в драме событий и характеров с историческими.²⁴ Таким образом, в распоряжении Державина, приступившего к работе над своей последней трагедией, были обширные исторические материалы на русском языке, в которых повествование о событиях и характеристики действующих лиц зачастую резко расходились с теми, что предлагал Мармонтель в своей книге.

Среди перечисленных произведений, трактующих тему покорения Перу, особое внимание следует уделить книге «Всемирный путешественник» Ж. Ла Порты. Из записок П. Н. Львовой из-

²¹ См.: *Мирошевский В. М.* Указ. соч. С. 82—94; *Шур Л. А.* Россия и Латинская Америка. М., 1964. С. 64—67; *Лаврецкий И. Р.* Миранда. М., 1965. С. 51—89. О пребывании Ф. Миранды в России см. также: *Миранда Ф.* Российский дневник. Москва—Санкт-Петербург. М., 2000; *Миранда Ф.* Путешествие по Российской империи. М., 2002.

²² См.: *Московские Ведомости.* 1787. Ч. 7. № 59. С. 551; *Шур Л. А.* Испанская и португальская Америка... С. 349—350.

²³ См. также: Воззрение на открытие Америки и особенно государств Мексики и Перу, переведено из сокращения Всеобщей истории г. Рустана... М., 1803; Новая всемирная история, повествующая о происшествиях европейских, азийских, африканских и американских земель, сочиненная Ильею Яковкиным. СПб., 1798. Ч. 2. С. 427.

²⁴ См.: *Северный вестник.* 1805. Ч. 8. № 1. С. 192—194.

вестно, что эта книга была обычным послеобеденным чтением на Званке в 1811 г., т. е. незадолго до предполагаемого времени написания рассматриваемой трагедии.²⁵ До нас дошли также весьма благосклонные слова, сказанные поэтом об этом произведении «Сколько тут любопытного, и у кого память хороша, сколько пользы прочесть ее!»²⁶

По-видимому, Державин разделял всеобщую любовь русской читающей публики к «Всемирному путешественнику», трижды переизданному на рубеже XVIII—XIX вв.²⁷ Переводчик его, известный русский дипломат Я. И. Булгаков (1743—1806),²⁸ отмечал в предисловии к русскому изданию ряд качеств книги, делавших ее образцовым произведением эпохи Просвещения, — энциклопедическую всеохватность, системность в отборе информации, простоту и ясность стиля и, следовательно, доступность широкому кругу читателей.²⁹

Действительно, Жозеф Ла Порт (1713—1779)³⁰ был одним из рядовых тружеников в пользу Просвещения, чья нешумная и неутомимая деятельность способствовала его успехам не менее, чем блистательные подвиги вольномыслия, стяжавшие скандальную славу корифеям «века философов». Не обладая выдающимся писательским талантом, он организовал своеобразную литературную мастерскую по производству различных компиляций, которые, будучи, по мнению современников, весьма невысокого качества, принесли, однако, своему изготовителю доход в 100 000 ливров ренты. Ла Порт занимался также широкой издательской деятельностью, публикуя мемуары, записки, «Библиотеку фей» и т. п.

Многотомное издание под названием «Voyageur français ou la Connaissance de l'ancien et du nouveau monde»³¹ продолжало выходить в свет в течение шестнадцати лет после смерти автора. В этот период были предприняты четыре его переиздания и переводы на ряд европейских языков.

Трудясь над русской версией «Французского путешественника», Я. И. Булгаков счел целесообразным значительно переработать его текст. В частности, он сообщает в предисловии

«Дабы еще полезнее и внятнее для каждого учинить мой перевод, старался я некоторые места объяснить при-

---

²⁵ См. Записки П. Н. Львовой (публикация Е. Д. Кукушкиной) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 267.

²⁶ См. Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 129.

²⁷ СПб., 1778—1794. Т. 1—27, 1780—1786. Т. 1—11, 1799—1816. Т. 1—27.

²⁸ См. статью о нем. Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 129—132.

²⁹ См. Всемирный путешественник. СПб., 1778. Т. 1. С. IX—XI.

³⁰ См. статью о нем. Le Grand Larousse Universel du XIX-eme siècle. Т. 10. P. 190.

³¹ Paris, 1765—1795. 42 vol. in—12.

мечаниями, другие дополнять, ежели где случилось что важного по написании уже сочинителем книги; в иных местах делал перемены, поелику счел их нужными, быв сам очевидцем тех вещей или достав вернейшие известия {...} деньги, меры, весы, расстояния приводил я на российские, сравнения и уподобления предметов делал, сколько было возможно, с вещами, нами знаемыми; иногда же ссылался и на наши книги, о коих знал, дабы, ежели читатель пожелает что-либо обстоятельнее ведать об описуемой вещи, смог скорее найти, чем себя удвольствоваться».³²

Очевидно, что подобная русификация значительно облегчила вхождение «Всемирного путешественника» в отечественную культуру и обеспечила широкий читательский интерес к нему, а восторженный отзыв Державина о нем едва ли не в равной мере отмечал работу переводчика наряду с трудом автора.

«Перуанские» страницы «Всемирного путешественника» послужили непосредственным источником ряда сюжетных ситуаций и отдельных реплик последней трагедии Державина. Так, например, предыстория событий, происходящих на сцене, восходит к повествованию о первом прибытии Пизара в страну инков. Из разговоров персонажей мы узнаем, что корабль Франциска Пизара потерпел крушение у берегов Перу. По приказанию принцессы Капилланы, после смерти супруга проживавшей в то время в уединенном дворце на берегу моря, Пизар и его брат Фернанд были спасены из воды. По рекомендации принцессы инка Атабалибо дружески принял Фернанда в своей резиденции. Испанцы оказали помощь императору в войне против его брата Гуаскара, претендовавшего на перуанский престол. Капиллана, будучи влюблена в Пизара, тайно вступила с ним в брак по перуанскому обряду и приняла христианство. Пизар починил разбитый корабль и отбыл с братом в Испанию с целью испросить у императора Карла V разрешения быть губернатором новонайденных земель. При расставании с Капилланой он заручился ее поддержкой в своих дальнейших действиях и солгал ей, что едет просить разрешения на брак у своего отца.

Из перечисленных фактов только кораблекрушение вымышлено Державиным. Романическая история любви прекрасной туземки к предводителю испанцев, ставшая основой любовной коллизии в трагедии, взята им из книги Ла Порты. Следует отметить, что упоминание о Капиллане и ее взаимоотношениях с Пизаром встречается только во «Всемирном путешественнике», в отличие от всех других источников, перечисленных выше.

---

³² См.: Всемирный путешественник... СПб., 1778. Т. 1. С. XII—XIII.

В сочинении Ла Порта о первой встрече Пизара с Капилланой повествуется следующим образом:

«Они (испанцы. — *А. Д.*) плыли около берега несколько миль и бросили якорь в заливе, где увидели жителей. Пизар послал к ним двух офицеров, кои, возвратясь, не могли нахвалиться учиненным им ласковым приемом. Не переставали они особливо говорить об одной женщине, в которой, по их словам, природа равна была красоте и которая заслуживала быть обожаема от всякого гишпанца. Называлась она Капиллана; оставшись весьма молодою вдовою после смерти одного перуанского вельможи, предпочла жить в провинции, где была почитаема, нежели в столице, где родилась. Она оказывала желание увидеть Пизара, который, со своей стороны, тако ж спешил быть у нее в доме и, испрося на то позволения, был принят с немалым числом своих людей.

Молодая и прекрасная перуанка привела его в беседку, подчивала и забавляла разными своей земли увеселениями. Прием столь ласковый был предвещанием нежной и страстной привязанности, которая родилась в них взаимно с сего первого свидания и продолжалась во всю их жизнь. (...) В ней (в Капиллане. — *А. Д.*) с нежною любовью соединена была высокая природа, красота и разум, каковых редко можно найти в индианках.

В долгом разговоре кастилланский полководец внушал ей о превосходстве христианской веры и заблуждениях идолопоклонников, увещевая ее, наконец, как и всех слушающих, принять Христов закон и покориться гишпанскому королю (...). Молодая вдова, сколь ни склонна была к витию, ответствовала, что не великие понятия имеет о вере, но довольна тою, которую наследовала от своих предков (...). По сем первом разговоре возвратились гишпанцы, будучи весьма довольны приемом. Пизар имел тайные свидания с любви достойною Капилланой, они клялись взаимно в нерушимой верности, и индианка дала слово ожидать гишпанцев на возвратном их пути и помогать им всеми своими силами».³³

Приведенная характеристика Капилланы и ее отношения к Пизару полностью использована Державиным в его трагедии. Развивая ситуацию, заданную Ла Портом, поэт показывает, как любовь туземки к иноплеменному военачальнику становится одной из

---

³³ См.: Всемирный путешественник... СПб., 1782. Т. 11. С. 57—58, 65. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

важнейших причин «разрушения Перуанской империи». Капиллане удастся убедить своего отца, склонного видеть в испанцах воплощение враждебной силы рока, грозящего его стране, принять их как представителей высшей и дружественной цивилизации. Результатом встречи Атабалибо с Пизаром в храме Солнца становится кровавое побоище, устроенное испанцами, и позорное пленение императора «блаженных перуан».

Характеристика отношения Пизара к любви Капилланы также заимствована Державиным у Ла Порта:

«Над сердцем Пизаровым действовала больше политика, нежели любовь; знал он, какую принесла пользу единоплеменникам его неограниченная страсть американок к гишпанцам по их прибытии. „Колумбу промыслила съестных припасов индианка, — говорил он, — в первое его прибытие на Антильские острова. Девица, влюбившаяся в Диаца, способствовала в заведении селения на Сен-Доминге. Марина, любовница Кортесова, была главным орудием взятия Мексики“. Всем известно также, Государыня, — продолжает Ла Порт уже от себя, — что дикие женщины в Луизиане спасли поданием заблаговременного известия французов от всеобщего побиения» (57—58).

Слова Пизара, приводимые Ла Портом, и его собственное дополнение соединены Державиным в реплике Фернанда, убеждающего Бако де Кастро в полезности любовных отношений Капилланы и Пизара для испанцев:

Ты знаешь, что Колумб на островах Антильских
В глад индианкой спас гишпанцев, к смерти близких;
Построил Сен-Доминг любовницей Дизэ;
Мариной Мексику завоевал Кортес,
И жены соблюли французов в Луизиане:
Так помощи искать постыдно ль в Капиллане?

(Д. II, явл. 2)³⁴

Сценическое действие трагедии открывается вторичным прибытием испанцев в Перу. Пизар предпринял путешествие в Мадрид, где испросил у Карла V должность губернатора новонайденных земель, был пожалован титулом «амаранта морей»,³⁵ но по возвращении в «свою» страну нашел ее жителей далеко не столь

³⁴ Здесь и далее ссылки на «Атабалибо» (IV, 299—400) даются в тексте с указанием номера действия и явления.

³⁵ Выражение, по-видимому, изобретенное Державиным и обозначающее чин адмирала.

дружелюбно настроенными, как в свой первый приезд. «Всемирный путешественник» сообщает об этом: «Франциск Пизар не нашел, Государыня, по возвращении в Тумбец, того расположения в мыслях индейцев, которое видел в первом путешествии» (80). В начальной реплике пьесы Фернанд на аудиенции у Атабалибо сообщает:

Пизар, тот вождь, что здесь снес кораблекрушенье,
Днесь из отчизны вновь приплыл в твое владенье,
О здравьи, Государь, велел спросить твоим
И о прибытии дать ведомость своим;
Сказать и то, что зрит себя он удивленным,
Приязни прежний вид нашедши переменным.
Усыпан стражей брег, стоит стеной народ
И тучи стрел, свистя, претят нам в пристань вход,
Едва прибег мой челн. Повеждь сего причину.

(Д. I, явл. 1)

Причина заключается в том, что до Атабалибо дошли сведения о зверствах испанцев в других частях Америки:

Вы собрали себе и злато и серебро.
А заплатили чем? Злодейством за добро.

(Там же)

Однако отношение перуанцев к испанцам в трагедии Державина далеко не столь однозначно, как обычно представляется в исследовательской литературе.³⁶ Испанцы воспринимаются туземцами не только как враги и разорители, но и как некие высшие существа, в явлении которых исполняется древнее пророчество о судьбе Перу после правления двенадцати поколений инков. Упоминание об этом предании встречается в той или иной форме во всех перечисленных выше источниках, повествующих о покорении Перу, и лишь Мармонтель умалчивает о нем. Как правило, оно связывается с именем древнего царя и пророка по имени Виракоча (в указанных произведениях Виракоша). «Всемирный путешественник» — единственная книга, в которой имя пророка транслитерировано: Вира-Коха. Эта форма наиболее близка к той, что принята Державиным — Виракох.

Изложение пророчества Вира-Кохи содержится в рассказе Капилланы, знакомящей Пизара с историей своей страны:

«Вира-Коха был не только великий государь, но и славный своего времени гадатель. Он предсказал, что в

---

³⁶ См.: Бочкарев В. А. Указ. соч. С. 398; Сперанская В. В. Указ. соч. С. 66; Шур Л. А. Латинская Америка... С. 77; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 93 (примечание); История русской драматургии... С. 212.

последующие веки придет незнаемый народ, завладеет империею и переменит веру всей страны. Время сему определено в двенадцатом царствовании Инков, и предвещание, переходя из возраста в возраст, донныне еще сохраняется. {...} Двенадцать царствований от Манко-Капака совершилось в особе ныне сидящего на престоле императора, и ежели скипетр имеет передан быть в другие руки, то мы достигли до часа перемены» (64).

В трагедии тема пророчества вводится уже в третьем явлении первого действия с приходом в царский совет императрицы Гуаки, которая с трепетом вопрошает об испанцах:

Не предреченны ль то народы Виракохом,³⁷
Что придут низложить светлейших Инков трон,
Нас богу новому подвергнут под закон?

В следующем явлении, оставшись наедине с Гуакой, Атабалибо открывает своей супруге и сестре причину своего страха перед прибывшими иноземцами:

Признаюсь, при князьях я укреплял мой дух,
Предвесьте мне его в ум стало впечатленно,
Что чрез двенадцато он, Инко, рек, колено
Придет страшный к нам брадатый оный род,
Кой острiem меча моря кровей прольет
И покорит себе преславно нашу Перу.
Обычи новы даст, законы, бога, веру.
Я царь двенадцатый: висит над нами гром.

(Д. I, явл. 4)

Пророчество Виракоха является важным конструктивным элементом в сюжете трагедии. Отношение к нему структурирует группу персонажей-перуанцев, выявляя в ней два противопоставленных лагеря. Для Гуаки, Верховного Жреца и части кациков в совете испанцы — объект ужаса и ненависти; императрица настаивает на их истреблении и выступает за возрождение кровавого обряда человеческого жертвоприношения и за принесение в жертву богу Солнца прибывших испанцев. Атабалибо, запретивший этот варварский обычай и стремящийся к разумному и гуманному правлению, склоняется к тому, что испанцы должны принести в Перу новую, более человечную, религию и более высокую культу-

---

³⁷ К слову «Виракох» Державин делает примечание: «Виракох — древний царь и пророк перуанский, который предсказывал о разрушении их монархии и о введении новой веры от пришедшего к ним белого народа».

ру, в чем его окончательно убеждает Капиллана, говоря о благом и милостивом боге пришедшего народа.

Приведенными примерами сходство трагедии Державина и «Всемирного путешественника» не ограничивается. Имя главного героя инки Атабалибо принято Державиным в форме, наиболее близкой к той, что приводится Ла Портом — Атабалиба.³⁸ Имя императрицы Гуаки, а также ее социальный статус — сестры и супруги императора — восходит к сведениям о женском предке перуанцев Маме Оелло (Оемо, Оселло и т. п.) Гуаке, которые встречаются также в ряде источников помимо Ла Порты. Реплика Гуаки, в которой упоминается ее прадед Гуак, плакавший при рождении «не током слез, но кровью» (д. II, явл. 8), видимо, отражает фрагмент рассказа Капилланы во «Всемирном путешественнике», сообщающий о внуке Манко-Капака по имени Гуак, который, как утверждают, «при рождении плакал вместо слез кровью» (с. 63). Имя самого предка перуанцев в форме «Манхапан» (д. III, явл. 2) позволяет предположить, что поэту оно было знакомо не только по «Всемирному путешественнику».

И, наконец, приведем реплику Атабалибо, основанную на одном курьезном и даже забавном факте из истории Конкисты. «Всемирный путешественник» сообщает, что перуанцы приносили золото и серебро на корм лошадям испанцев:

«Будучи непорочны в своих намерениях и приметя,
что лошади гишпанцов жевали удила, вздумали они, что
сии животные, столь для них чудные, питались металлами.
Они пошли, принесли множество золота и серебра, и
подчивали их от самого доброго сердца. Пизаровы люди,
не теряя тем ничего, просили, чтобы они не поскучили и
более приносить» (81—82).

В трагедии Державина Атабалибо, зная о великой жадности «новых детей солнца» к золоту, пытается удовлетворить ее по мере своих возможностей:

Но я бесценностей моих не сокрываю,
Напротив, к оным их алчбу всю предваряю,
Не хлебом их зверей велел уже кормить,
Но златом и сребром, чтоб только угобзить...

(Д. II, явл. 8).

Эта забавная деталь в общем трагическом контексте пьесы становится ярким штрихом, оттеняющим детскую доверчивость и

---

³⁸ Другие варианты: Атапалипа, Атагулипа, Атагуалипа, Атагуалпа, Аталиба, Аталип, Атапалип и т. п.

беззащитность туземцев перед лицом хитрых и расчетливых завоевателей.³⁹

Итак, при написании своей последней трагедии Державин воспользовался, как и во всех остальных случаях, историческим источником, пусть малодостоверным и в значительной степени беллетризованным, однако, имеющим больше точек соприкосновения с «Атабалибо», чем «Инки» Мармонтеля или «Альзира» Вольтера. Учитывая заимствования Державина из «Всемирного путешественника» Ж. Ла Порта, можно в значительной степени скорректировать наши представления о сфере художественного вымысла в его трагедии о «разрушении Перуанской империи».

Принимая во внимание, что поэт использовал широко известные в его время исторические сведения, можно высказать предположение о содержании не дошедших до нас или же не написанных четвертого и пятого действий трагедии. По-видимому, в них должны были войти сцены суда над Атабалибо и его казни или же сообщение о ней. В недостающих действиях не могла не быть развита сюжетная линия отношений Пизара и Капилланы, а также продолжена заявленная во втором действии (явл. 4 и 7) тема влюбленности де Кастро в перуанскую принцессу.

Сюжетная функция де Кастро как «тайного цензора, а после вице-короля» может быть пояснена его характеристикой как исторической личности во «Всемирном путешественнике»:

«Он имел обширные сведения, был предприимчив и беспримерно честен. (...) Никогда Америка не имела подобного начальника: успех правления его ясно доказывает, что правота есть наилучший вождь в политике. Он поступал как человек, не помышлявший ни о снискании друзей, ни о приобретении богатств. Все тяжбы судил беспристрастно: никогда имя гишпанца или индейца не наклоняло весов в руках его. С послушными императору поступал он как отец; с бунтующими — как толкователь законов; и, проводя жизнь со скромностью простолюдина, умел в случае оказывать все достоинство человека, поставленного над всем. (...) Кастро, успокоя волнение в стране, начал пещись о том, чтоб наслаждалась плодами спокойствия: учредил разные приказы, принудил гишпанцев обходиться скромнее с индейцами, обязал духовенство стараться о их обращении, построил многие города, основал в оных училища и привел коро-

---

³⁹ О кормлении лошадей золотом и серебром см. также: История о странствованиях вообще... М., 1784. Т. 11. С. 507; Кампе И. Г. Открытие Америки, приятное и полезное чтение для детей и молодых людей. М., 1788. Ч. 3. С. 143.

левские доходы в такое положение, что завоевание Перу, насыщавшее дотоле одно только корыстолюбие небольшого числа частных людей, учинилось общим благом для всего государства» (92—94).

Из приведенной характеристики де Кастро становится понятным противопоставление внутри группы персонажей-испанцев: Де Кастро и Фернанд противопоставлены Пизару и Гонзалву как гуманные носители просвещения бесчеловечным грабителям. Де Кастро мог стать идеальным правителем-иностранцем, к которому долженствовал перейти скипетр инков согласно предсказанию Виракоха. Так могли бы получить свое разрешение в финале трагедии коллизия нового и старого, исторического прогресса и сохранения традиционных ценностей, столкновение культур и религий Старого и Нового Света.⁴⁰

---

⁴⁰ Нашу гипотезу о времени написания пьесы и ее идеологической направленности см.: Дёмин А. О. Когда Г. Р. Державин работал над трагедией «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» // Театр и литература. Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 29—40.